

“слово, распространенное зависимой полнозначной лексемой, выполняющей функцию семного конкретизатора”, входит в разряд структурных разновидностей номинатемы со словесной доминантой, то есть является семантически тождественной единицей, которая отождествляется на уровне слова; 2) принцип аналогии позволяет предположить наличие номинатем оригинальных типов в языках, из которых заимствовались в русский исследуемые единицы; 3) в русском языке наблюдается явление транспозиции эквивалентных иноязычных номинатем; 4) после процесса заимствования в языке-реципиенте происходит процесс ремотивации номинатемы под влиянием закона общезыковой аналогии.

Л и т е р а т у р а :

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М : Большая российская энциклопедия, 2000. – 686 с.
2. Дьячок Н. В. О трансформации универбов в лексические дериваты // східнослов'янська філологія. Горлівка : ГДПІГМ, 2009.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. – М. : Наука, 1996. – 240 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
5. Теркулов В. И. Еще раз об основной единице языка // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Г. Шевченка. – Луганськ, 2006. – № 11 (106). – С. 127-136.

Статтю присвячено проблемі визначення статусу деяких випадків компресійного словотвору, з одного боку, та функціонування універбів конкретних запозичених номінатем, з іншого. Описується процес транспозиції номінатем в російській мові. Пропонуються схеми досліджуваного процесу. Робляться висновки про особливості транспозиції номінатем.

Ключові слова: компресійний словотвір, дериват, композит, номінатема, універб, транспозиція.

The article is about the problem of compressive world-building status definition and univerbs' functioning. The process of nominatheams' transposition into Russian is described. The decision about nominatheams' transposition peculiarities is given.

Keywords: compressive world-building, derivate, composite, nominatheam, univverb, transposition.

Трощинская-Стенушина Т. Е.
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

СПЕЦИФИКА СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ПРОЗЕ ДИНЫ РУБИНОЙ

В статье исследуются синтагматические связи лексем в художественной прозе Д. Рубиной. Выявляется специфика нестандартных сочетаний основных частей речи. Доказывается, что специфика синтагматических связей в прозе Д. Рубиной приводит к появлению глубинных смыслов художественного текста.

Ключевые слова: части речи, нестандартное сочетание лексем, значение, смысл.

Для художественной прозы рубежа веков характерны не только новые темы, образы, видение мира, осознание особенностей своей эпохи, но также иной, по сравнению с XX в., язык, который стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания. В искусстве конца XX – начала XXI в. одним из заметных процессов в художественном отражении мира является стремление к передаче не результата, но

процесса мышления и восприятия, “потока сознания”. Если в литературе XVIII–XX вв. слово в художественном тексте воплощало смысл, сформированный в предшествующих авторитетных текстах, то к концу XX века появляется множество произведений, в которых значение слова порождается данным конкретным контекстом. В определенных художественных текстах процесс формирования языкового значения получает глубинный смысл, контекст расширяет и часто изменяет границы лексических и грамматических значений слова. Частотность этого явления позволила М. Л. Гаспарову утверждать, что появился новый троп антиэмфаза – расширение и размывание значения слов [1].

В современной художественной прозе слово вбирает в себя смысл предыдущих и последующих слов и безгранично расширяет рамки своего значения, т.е. “наблюдается отчетливая тенденция к выведению слова, формы, морфемы из стандартной сочетаемости, идет активный процесс освобождения языковых единиц от любой синтагматической зависимости – параллельно с постоянной фразеологизацией языковых единиц и превращением словесных блоков в слова. Нарушения нормы в ряде текстов показывают альтернативный путь развития фонетики, семантики, грамматики” [2].

Названные тенденции активно проявляются в прозе талантливого современного писателя Дины Рубиной. Наблюдение над необычными, нестандартными соединениями слов в произведениях Д. Рубиной, поиски механизмов этих явлений, попытка объяснить их причины позволяют выделить несколько общих закономерностей: во-первых, можно отметить такой механизм, в основе которого лежит явление синестезии, – *бархатный голос, колючий взгляд*; во-вторых, механизм, основывающийся на феномене неожиданного, который был описан Р. О. Якобсоном [7]: *запивать газеты водкой; дрессированная домработница* и др.

Механизм, являющийся реализацией антропоцентрического подхода к мирозданию, воплощается в текстах Рубиной с помощью нестандартного сочетания глагола с существительным, а именно:

1) связи непердметного существительного в функции подлежащего с глаголами физического действия, состояния, манеры поведения: *ужас шелестел, витают одиночество, тоска грызла, распределяются отношения, лето не клеилось, тишина баюкает, голос полоснул, имена порхали, жадность глодала, прошлое глумилось, кадык плясал, биография кончилась, ветер продраивал лицо, воображение взметнулось* и т.д.

2) связи непердметного существительного с глаголом психического действия: *портрет умирает, раздражение сжалось в комочек, дружить с микробами, изгрызть нервы, сердце скулило* и др.

3) связи предметного существительного (вещественного или конкретного) с глаголом психического действия, состояния: *уволакивал эскалатор; дружба треснула и расползлась по швам; комбинат заглатывал, перемалывал, переваривал; поезд спохватился, звонок ворковал, чайник дышал, кисть клюнула, сосны теснились* и др.

4) связи непердметного существительного в роли дополнения или обстоятельства с глаголом движения (реже – с глаголами другого значения): *покрасить быт, нес (в себе) талант, разменял жен, намывать правду по крупинкам, сколотил славу, забрал нервы, напороться на локоть, питаться кинодребеденью, жую Фолкнера, закармлил (знаменитой американской) литературой, попал в достопримечательности, подобрала губы и брови и унесла с собой, распределять интонацию во фразе, поместиться в судьбе целиком, плести ритмы, лепить сюжет, спрятала гордость в сумочку, зарастить домами* и т.д.

В языке произведений Д. Рубиной нами было выявлено несколько случаев нестандартного сочетания глагола и наречия: *крашу губы наизусть, любил нараспашку, влюбиться истошно, больно удивился, гулко дышать, распишемся постепенно, полетно перемахивал через снаряды, гордо носить стервозность*.

Перечисленные виды специфических связей лексем в тексте произведений автора представляют собой тот потенциал художественного слова, который невозможен (и не востребован) в узусе. Трансмерные отношения между лексемами способствуют возникновению сложных художественных смыслов [4].

Конструкции прилагательных с существительными достаточно часто проявляют нелинейные отношения в естественном языке. Все случаи такого рода Е. С. Кубрякова называет ситуациями нетривиальной семантики [3], которая особенно активно проявляется в художественном языке. Уникальная природа возникающих при этом смыслов предполагает определенную парадоксальность их вербальных описаний. Такие описания могут включать характеристики, недопустимые, с точки зрения обыденного сознания, противоречащие логике здравого смысла и реальной жизни. Многие алогичные, на первый взгляд, нестандартные сочетания прилагательного, причастия и существительного отражают диалектику преобразования слова в художественном языке. В противоречивых сочетаниях проявляется логика автора, по-своему структурирующего действительность, в которой *румянец* может быть *кротким*, *гитара* – *страстной*, *звонок* – *деликатным*, *нос* – *убийственным* и т.д.

Сочетания такого рода обычно базируются на семантическом взаимопроникновении, диффузии двух глобальных семантических экзистенций: “человеческая душа, внутренне бытие личности” и “внешний вещественно-предметный мир”. Выявляются два типа их взаимодействия в прозе Дины Рубиной. В одних случаях первая экзистенция накладывается на вторую, выражая в целом характеризующие признаки внешнего мира через “проекцию” человеческой души: *лысеющая шуба, честное пальто, вздорные обязанности завлита, умершие слова, покалеченная мысль, потрепанная гордость, подуставшее презрение, жадные пальцы, благовоспитанная и чопорная обида, продрогшее пространство, сиротливое нетерпение* и др. В других случаях вторая область смыслов накладывается на первую, представляя собой основные характеризующие признаки человеческого бытия через вещественно-предметный мир: *кухонные права, лунный сон, вязкая тишина, пожилая красота, фальшивая жизнь, горькая душа, корявый характер, добротный человек, авангардистский ручеек* и др.

В нестандартных сочетаниях прилагательных и причастий с существительными процесс смыслопорождения в языке произведения автора проявляется особенно ярко, поскольку каждое такое сочетание не только рождает новый художественный смысл, но одновременно вбирает в себя все логические противопоставления, несовместимые с точки зрения обыденного сознания с реальной жизнью. Так, в выражении *бесстыжий век* [6] выявляются два основных смысловых инварианта: “человеческая безнравственность”, репрезентируемая лексемой *бесстыжий* и “предметный мир”, репрезентируемый лексемой *век*. Взаимодействие языковых единиц приводит к рождению новых смыслов в зоне понятий “время”: *бесстыжий век* – время конец XX века, “дикого” капитализма, время смуты, в которое приходится жить героям повести – умным, честным людям, поскольку “времена не выбирают...”.

Рассмотрим другой пример: *чопорная обида* [5], в котором Д. Рубина использует узуальное прилагательное, но не в общепринятом значении, и это способствует

рождению новых смыслов уже известных слов. Узуальное прилагательное в предложенном контексте рождает смыслы, не связанные с его словарным значением “чрезмерно строгий, щепетильный в поведении, в соблюдении приличий”. Прилагательное, определяющее особенность поведения человека, употребляется автором в совершенно ином, не характерном для него контексте – характеристике не самого человека, а его психического состояния. И в этом контексте данная лексема фиксирует наше внимание не только и не столько на определении обиды, сколько на чопорности человека, эту обиду “несущем” – долго и с достоинством. Другими словами, рождается дополнительная ассоциация, связанная не с внутренним состоянием одного человека, а с людьми, между которыми случилось это недоразумение, и их взаимоотношениями.

Достаточно часто в прозе Рубиной в качестве нестандартного определения существительного выступают причастные обороты: *1. Одинокий, нацеленный на нее глаз; 2. Преграда, возведенная воспитанием, образованием, жизнью; 3. Спешно слепленный вопрос; 4. Заглохшая на зиму дача; 5. Замок, не желающий сдаваться замерзшему ключу* и др.

Очень активны в произведениях Д. Рубиной нестандартные сочетания существительных. При нестандартной сочетаемости существительных в формировании новых смыслов значительную роль играют синтагматические связи лексем. При этом в структуре предложения явно выделяются две зоны смыслопорождения – родительный и творительный падежи, в которых особенно активно происходит переход от парадигматически и синтагматически упорядоченных значений лексем к новым смыслам.

Родительный падеж представляет собой сложный комплекс значений, основными из которых являются определительное, субъектное, объектное и реже – обстоятельственное. Характерной приметой поэтики Рубиной в этом плане является значительная частотность приименного и почти полное отсутствие приглагольного родительного падежа: *сюжет жизни, морг любви, дитя дискотек, изгибы окошка, веер гвоздиков, ломоть блика, мякоть солнца, задник неба, подкладка гула, ростки пара, гибкость швабры, змейка охры* и др. Д. Рубина не использует приглагольный родительный падеж, выражающий в основном объектные отношения, а в приименном выявляет в основном субъектные и определительные отношения; это говорит о том, что ее интересуют в первую очередь не объекты, а субъекты действия и их оценка.

Через своеобразное соединение лексем, которое невозможно в узусе, автор создает художественный образ мира, моделирование которого происходит на основе важнейших сущностных свойств человека – его отношения к миру, жизни, смерти, любви, природе. В текстах писателя возникает особое виртуальное денотативное пространство, которое может расширяться, углубляться, увеличиваться, а может, наоборот, дробиться, представляться не единым, а как будто дискретным, когда его элементы подвергаются не просто номинации, а являются денотатами “рисуемых” художественным словом образов: *заплечные мешки судьбы, предъявление правды, бегство души, сфинкс формулы, электрическая сеть таланта, печной жар правды, восточный крой внешности*. Возникшие смыслы не фиксируются в словарях, поскольку эти значения возникают и существуют в ином, виртуальном семантическом пространстве художественного текста. Например: *Культ паркета*. Сочетание обычных нейтральных слов *культ* и *паркет* под действием законов художественного текста дает новый смысл: *“В доме царил культ ослепительного паркета”* [5]. В этом примере

сочетание слов “царил культ” сразу вызывает у читателя ассоциацию с чем-то торжественным, серьезным, вызывающим уважение и даже трепет. Но Д. Рубина обманывает наши ожидания, и вся эта виртуальная “многозначительная” конструкция легко разбивается, наткнувшись на обыденное слово “паркет”! Рождается экспрессивный эффект, воздействуя на эмоциональную сферу психики реципиента: как же, наверное, психологически тяжело жить в доме, где “царит культ ослепительного паркета” и разговаривать принято, видимо, только шепотом, как в музее...

Таким образом, анализ показывает, что нестандартное соположение лексем в прозе Д. Рубиной приводит к образованию между словами таких отношений, в результате которых между ними происходит не просто трансформация их словарных значений, но появляется новое, более адекватное авторскому замыслу значение на ином, более сложном уровне абстрагирования и художественной образности.

Л и т е р а т у р а :

1. *Гаспаров М. Л.* Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики) / М. Л. Гаспаров // Историческая поэтика: итоги и перспективы изучения / редкол.: М. Б. Храпченко [и др.]. – М., 1986. – С. 191.
2. *Зубова Л. В.* Современная русская поэзия в контексте истории языка / Л. В. Зубова. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – С. 398
3. *Кубрякова Е. С.* О нетривиальной семантике в сочетаемости прилагательных с существительными / Е. С. Кубрякова // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М., 2004. – С. 148-150.
4. *Муратова Е. Ю.* Смыслы слова в системе поэтического языка XX века / Е. Ю. Муратова. – Минск: БГУ, 2008. – С. 126.
5. *Рубина Д. И.* На верхней Масловке / Д. И. Рубина. – М.: Эксмо, 2004. – С. 115-118.
6. *Рубина Д. И.* Несколько торопливых слов любви... / Д. И. Рубина. – М.: Эксмо, 2005. – С. 248
7. *Якобсон Р. О.* В поисках сущности языка / Р. О. Якобсон // Семиотика: сб. ст.: переводы / сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М., 1983. – С. 107-109.

У статті досліджуються синтагматичні зв'язки лексем у художній прозі Д. Рубіної. Виявляється специфіка нестандартних поєднань основних частин мови: іменників, дієслова з іменником, прикметника і дієприкметника з іменником. Доводиться, що специфіка синтагматичних зв'язків у прозі Д. Рубіної призводить до появи глибинних сенсів художнього тексту.

Ключові слова: частини мови, нестандартне поєднання, значення, сенс.

In the article syntagmatic relations of lexis in D. Rubina's fictional prose are investigated. Specific character of non-standard combinations of the main parts of speech is shown. It is proved that specific features of syntagmatic relations in D. Rubina's prose result in the appearance of deep senses of the functional text.

Keywords: parts of speech, non-standard combination, meaning, sense.

Тупчий А. В.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ЛОГОЭПИСТЕМА “АНГЛИЙСКАЯ ЛОШАДЬ”

Анализируется логоэпистема “английская лошадь” как вербальная составляющая образа Англии в русском языковом сознании конца 18 – середины 19 века.

Ключевые слова: логоэпистема, языковое сознание, образ.

Проблема межкультурной коммуникации в современном языкознании становится все более актуальной. В работах С. Г. Тер-Минасовой, Л. П. Ивановой, Д. В. Гудкова